
Откуда родом «полоцкая» Кормчая?

DOI 10.31168/91674-483-5.21

Церковное право в Великом княжестве Литовском, используемые в этих землях книги, их значение и степень востребованности по-прежнему остаются малоизученной темой, несмотря на пристальное внимание, которое уделяется Кормчим книгам в последние годы. Одна из наиболее необычных канонических книг, составление которой связано с деятельностью киевских митрополитов, неизменно обращает на себя внимание¹; однако это внимание связано исключительно с дополнительными статьями канонической книги, в то время как источники, обстоятельства и время создания самой Кормчей остаются неисследованными. Не меньшим вниманием пользуется другая каноническая компиляция, справедливо названная Л.В. Мошковой Западнорусской и замечательная тем, что включила в себя цикл поучений киевских митрополитов². Однако главные связанные с ней вопросы: обстоя-

---

¹ *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 1. С. 136–154; *Миккульский Ю.Н.* Кормчая книга XV в. из коллекции графов Тарновских: к истории архива западнорусских митрополитов // *Беларуская даўніна. Studia et Fontes.* Мінск, 2016. Вып. 3. С. 57–68.

² *Мошкова Л.В.* Западнорусская Кормчая особого состава // *Хризограф.* М., 2005. Вып. 2. С. 231–240; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2006. Вып. 1: Апостол — Кормчая. С. 318–379, 443–455; *Белякова Е.В.* Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // *Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich.* Т. 6. Р. 133–153; *Белякова Е.В.* Циклы поучений священникам в Кормчих Западнорусской редакции // *Slavistica Vilnensis.* 2016. No. 61. С. 187–255.

тельства включения в каноническую книгу наставлений священству о духовнической практике (поучений, далеких от церковного права), очевидно, еще требуют дополнительного исследования.

В ряду иных канонических книг, связанных происхождением или историей бытования с Великим княжеством Литовским или пограничными с Московским княжеством территориями, рукопись, хранящаяся в Харьковском историческом музее (инв. 21129)³, сравнительно мало известна⁴. Я.Н. Щапов отнес ее к так называемому Волынскому изводу Кормчей книги⁵, восходящему к рукописи, переписанной в 1286 г. для владими́ро-волынского князя Владимира Васильковича. Список 1286 г. не сохранился, а его немногочисленные копии датируются концом XV — XVII в.⁶ Харьковский список среди них один из наиболее ранних, а оставленные в книге записи полууставом первой половины XVI в. говорят о том, что рукопись уже на раннем этапе была вложена в полоцкий монастырь Иоанна Предтечи на Острове. Это заставляло исследователей считать кодекс «полоцким», предполагая происхождение книги из этих же земель.

Между тем история этой книги гораздо богаче, чем можно думать, опираясь только на вкладную запись о подношении Кормчей полоцкого монастырю. Изучение рукописи показало, что она состоит из двух

---

³ Искренне благодарю Викторину Витальевну Булычеву (Харьковский исторический музей) за содействие в исследовании рукописи.

⁴ Рукопись кратко характеризуется в исследованиях: *Абрамович Д.И.* Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волынской епархии, с приложением отрывка из «Церковного устава» князя Ярослава // *Христианское чтение*. СПб., 1903. № 7. С. 114; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 69; *Турилов А.А.* Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *Славянский альманах 2000*. М., 2001. С. 265–266. Прим. 8; *Варонін В. А.* «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2007. № 3. С. 46–51; *Морозова Н.А.* Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировичского монастыря // *Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности*. Сб. ст. Вильнюс, 2014. № 57. С. 223; *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 85–86; а также упоминается в: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / Сост. А.А. Турилов. М., 1986. № 1969.

⁵ *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 270–271.

⁶ Румыния, библиотека Арадского епископства, фонд монастыря Hodoş-Bodrog, ms. 19 (кон. XV в.); Украина, Харьковский исторический музей, инв. 21129 (XV в.); РНБ, Погод. 234 (кон. XVI в.); РГБ, Рум. 235 (нач. XVII в.).

частей; наиболее ранняя из них датируется серединой XV в.⁷ К этому времени относится первая половина Кормчей; начальные листы и вторая половина книги утрачены. Кормчая была написана одним почерком, типологически сходным с севернорусскими почерками. Одним из наиболее близких аналогов, относящимся к тому же времени, являются листы из псковской Кормчей (ГПНТБ СО РАН, Тих. 536/539, л. 143а–153г, 289а–295г)⁸, написанные характерным мелким неровным и угловатым почерком, напоминающим скорее почерка грамот, чем каллиграфичное книжное письмо, с далеко вынесенными косыми хвостами букв и литерой **ч** расщепом. Те же особенности в почерке мы находим в Кормчей книге из Харьковского исторического музея: мелкие теснящиеся строки, как будто писец стремится уместить текст, не задаваясь вопросом о пропорциях листа, сильно варьирующееся число строк (от 30 до 42), угловатые буквы, далеко вынесенный хвост литеры **ѣ**, литера **ч** расщепом.

Наблюдения над почерком подтверждаются исследованием языка Кормчей книги. Для ранней части Кормчей характерно последовательное написание литеры **ѣ** через **ѣ**, что для второй трети XV в. является архаизмом. Подобное написание известно нам по уже упомянутым листам псковской Кормчей, датированной второй четвертью XV в. (в более поздних частях той же псковской Кормчей, относящихся к третьей четверти XV в. и нач. XVI в., фиксируется исключительно буква **ѣ**); немного более ранняя параллель — рукопись РНБ, Ф.П.119 (Кормчая книга первой четверти XV в.). Подобное написание дольше всего бытовало в севернорусских и новгородско-псковских землях, сохранявших архаику в графике письма и в оформлении книг. К 1420-м гг. относится деятельность кирилло-белозерских книжников Серапиона и Мартиниана, которые также писали литеру **ѣ** через **ѣ**. К середине XV столетия относятся новгородские рукописи РНБ, Соф. 1129 и БАН, Арх. Д. 2, основные писцы которых сохраняли ту же графическую особенность в написании буквы **ѣ**.

⁷ ХИМ. Инв. 21129. Л. 4–172. Филигрань: Монограмма др под крестом, близко: рукопись БАН, Целепи 39 (1450-е гг.); сходно: *Шубаев М.А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодинологическое исследование. М.; СПб., 2013. № 356, 357 (1450-е гг.); *Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. № 77 (1450-е гг., дефектный знак); вид: *Briquet Ch.* Les Filigranes dictionnaire historique des Marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Amsterdam, 1968. № 9745 (1451 г.), 9771 (1448 г.).

⁸ *Корогодина М.В.* Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. трудов международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 255–273.

В ранней части кодекса в языке мы находим новгородские черты, главной из которых является мена ц/ч: **бѣлчѣмъ** (9а); **сирѣць** (12а, 12г, 13в и др., наряду с **сирѣчь**); **ѡричаѣтса** (13г, 158а); **ѡ брачѣхъ** (17в); **на далець** (17г); **скопѣцства** (23б); **нѣччи** (27в, 166г); **мертвецинѹ** (31а); **цѣновьника** (33г); **цресъ** (34б); **не рчи** (34в); [п]рѣтца (34г); **на концинѹ** (159г); **мець** (161б); **склюцѣнѣа** (162а); **дѣцьскѣи** (164г, 165в); **крѣпцѣаши** (165г); **сичѣ** (166в, 167б); **сконцѣнѣа** (170а, 170б, 170в); **по ѡлѹцѣнѣи** (170г); **не воинница. но кѹпцѣа** (170в), и многие другие. Отдельно следует отметить частое использование ч в качестве выносной: **ѡ черноризѣ** (16в); **блѹдниѣ** (161г); **прелюбодѣиѣ** (165а) и другие, в то время как в другой позиции те же слова пишутся через ц.

Из особенностей орфографии необходимо отметить:

– последовательное употребление **оу** в начале слова и после гласной и **ѹ** после согласной, что характерно для новгородского диалекта в XV столетии⁹. Писец не использует графему **Ѹ**; единичные случаи ее употребления связаны с исправлением ошибочного написания **о** на **Ѹ**, например, в словах **содѸ** (159а), **ножно** (32г) (что можно толковать также как мену **о/ѹ**, рассматриваемую писцом в качестве недопустимой в книжном церковном тексте). Исправление **о** на **Ѹ** свидетельствует о том, что писец знает эту графему, но сознательно отказывается от нее;

– мену **и/ѣ**: **свѣдѣтельствѹющѣа** (159г, 35в); **непокоилѣмъ** (165г); **бѣемѹ** (160г); **оприснока** (31г); **цѣновьника** (33г); **повелиѣмъ** (34в); **прозвѣтиром** (37г);

– постановку редуцированного и проясненного гласного с обеих сторон плавного: **ѡлѣтарь** (24в); **долѣжнѹ** (168в); **мерѣтва** (172а)¹⁰;

– древнерусское написание: **совѣ** (165б, 35в).

Эти наблюдения не оставляют сомнений в севернорусском происхождении ранней части Кормчей. Отсутствие таких черт псковского говора, как мена свистящих и шипящих (**ш/с** и **з/ж**), не позволяет относить создание рукописи к Пскову; в Кормчей отразился новгородский диалект в широком смысле слова. Однако означает ли это, что рукопись была написана в новгородских землях? Признавая, что профессиональный писец в зрелом возрасте мог трудиться далеко от тех мест, где он вырос и выучился книжному мастерству, часто исследователи, за неимением иных данных, по умолчанию считают локализацию языковых особенностей указанием на место создания рукописи. Вероятно, так было бы и в этот раз, если бы предположению о новгородском происхождении кодекса не противоречили сведения о ее источнике.

Харьковский список Кормчей представляет собой редкий случай, когда мы можем указать непосредственный источник, с которого

⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 28–31.

¹⁰ Там же. С. 63.

была скопирована книга, — и это отнюдь не список Волынского извода Кормчей, к которой обычно относят рукопись. В кодексе сохранились начальные главы Кормчей, обрывающиеся на правилах Василия Великого; такие главы сходны в разных редакциях, и различить их по составу статей почти невозможно. Однако в изучаемой рукописи есть вставка, необычная для Кормчих книг: после правил шестого вселенского собора выписан фрагмент Номоканона Иоанна Постника (ХИМ, инв. 21129, л. 153в–154а). Такую же выписку мы находим в так называемом Варсонофьевском списке Кормчей кон. XIV в. (ГИМ, Чуд. 4, л. 134в–г). Варсонофьевский список — второй по старшинству полный список Кормчей книги, составленной на Руси. Над этим пергаменным кодексом, писанным искусными каллиграфами, трудилось несколько писцов; по имени одного из них названа сама рукопись. Оканчивая урок, писцы порой оставляли чистыми один-два столбца; в двух подобных местах спустя некоторое время были оставлены выписки из Номоканона Иоанна Постника¹¹. Подобные маргинальные добавления не встречаются в других списках Кормчей, за исключением рукописи ХИМ, инв. 21129, где один из дополнительных текстов переписан писцовым почерком в том же месте, где находилась вставка в Варсонофьевской Кормчей¹². При этом писец допустил ошибку, спровоцированную особенностями оригинала: в Варсонофьевском списке не были внесены киноварные инициалы в начале заглавия и текста вставки: [п]остниково Ѡ номока^н · [с]на же запрѣщенья · не мы · но великыи василеи · изложи... (Чуд. 4, л. 134в). Переписчик не понял, что пропущенный инициал должен был отделять заглавие от основного текста, и, приняв и за н в слове [с]на, скопировал начало следующим образом: **постниково Ѡ номоканона же запрѣщениа · не мы · но великии васїли · изложи...** Подобное чтение могло возникнуть только при копировании непосредственно с Варсонофьевского списка.

Дальнейшее сопоставление двух рукописей подтверждает наш вывод: харьковская Кормчая копирует как особенности текста Варсонофьевского списка, так и его отдельные чтения. Так, номоканон XIV титулов, служивший своеобразным тематическим указателем к Кормчей книге, в Варсонофьевской рукописи отличается некоторыми сокращениями¹³ и перестановками текста¹⁴; все эти особенности повторены в харьковском

¹¹ Почерк вставок отличается от писцовых почерков; однако палеографические признаки заставляют относить их также к кон. XIV столетия.

¹² В ранней части Кормчей ХИМ, инв. 21129 утрачен фрагмент, где должна была находиться вторая вставка.

¹³ Текст сокращен в грани 1, главе 24; грани 2, главе 3; грани 3, главе 10; грани 8, главе 8; грани 11, главах 14–16.

¹⁴ Переставлены главы 34 и 35 грани 9; глава 22 грани 3 перенесена в конец номоканона и составляет главу 6 грани 14.

списке. Кроме того, Варсонофьевская рукопись имеет палеографическую особенность, отличающую ее от иных списков Кормчих, — в ней обильно используется замена отдельных слов буквенным обозначением, при котором вместо слова пишется его начальная буква, обычно имеющая соответствующее наименование в алфавите¹⁵. Такое буквенное обозначение известно по некоторым другим рукописям кон. XIV — нач. XVI в.; однако наиболее широко оно используется в Варсонофьевской рукописи, хотя в целом нехарактерно для Кормчих книг. Харьковский кодекс копирует несколько подобных написаний своего оригинала¹⁶. Наконец, харьковская Кормчая повторяет отдельные чтения Варсонофьевского списка; в том числе ошибочное чтение **вѹдрѹ** (вм. **вѹдрѹ**) в уже знакомой нам выписке из Номоканона Иоанна Постника. Все это недвусмысленно указывает на то, что Варсонофьевская рукопись, сохранившая состав Кормчей в том виде, как она была создана в 70-е гг. XIII в. при митр. Кирилле II, была переписана в середине XV в., причем это единственный известный нам случай непосредственного копирования Варсонофьевского списка.

Однако ответ на вопрос, где могло происходить копирование Варсонофьевского списка, далеко не однозначен. Наиболее ранние сохранившиеся на нем пометы относятся к XVI столетию и фиксируют пребывание рукописи в Чудовом монастыре. Кодекс отличается исключительной исправностью текста, а его язык, согласно выводам Г.С. Баранковой, не имеет сколько-нибудь выраженных диалектных черт. Предположение о новгородском происхождении Варсонофьевской рукописи необходимо отвергнуть не только из-за отсутствия статистически значимых новгородизмов в языке¹⁷ или

---

¹⁵ Баранкова Г.С. Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.

¹⁶ Некоторые из них: **ч.** = человек (22б); **ѣ.** = есть (164г, 165а, 165г); **с.** = слово (165б, 166в, 172в).

¹⁷ По наблюдениям Л.М. Костюхиной, основными писцами рукописи были три книжника (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002. № 356. С. 515–519). На долю каждого из основных писцов, согласно выводам Г.С. Баранковой, приходится по одному случаю мены **ц/ч** (наблюдения сделаны в ходе совместной работы по подготовке издания Кормчей книги по древнейшим спискам, проводившейся Г.С. Баранковой, Е.В. Беляковой, И.И. Макеевой, Е.В. Ухановой и автором данной статьи, и будут опубликованы в издании Кормчей). Четвертый писец, которым выполнено менее 20 листов Варсонофьевской Кормчей, допустил мену **ц/ч** девять раз. Вероятно, он сам или его родители были родом из новгородских земель; однако его роль в изготовлении кодекса явно была незначительной. Подобное распределение языковых особенностей между писцами, на наш взгляд, недвусмысленно указывает, что

использования неизвестного в новгородских рукописях буквенного сокращения слов. В Новгороде была собственная архиепископская Кормчая книга, хранившаяся с 1280-х гг. в Софийском соборе и почитавшаяся как величайшая ценность. Создание еще одной точно такой же по составу Кормчей книги в кон. XIV в. для архиепископа (а в этот период каноническая книга была исключительной прерогативой архиереев) было явным излишеством. Немаловажным является то, что Варсонофьевский список восходит не к Софийским «Правилам», а к иному оригиналу; это также является косвенным указанием на то, что рукопись создана не в Новгороде.

Варсонофьевский список, в XVI в. хранившийся в кремлевском Чудовом монастыре, написанный писцами высокопрофессионального уровня и в высшей степени исправный, украшенный богатой тератологической заставкой, на тонком белом пергамене прекрасной выделки, очевидно, предназначался для архиерейской кафедры. Достоверных сведений о месте его пребывания у нас нет. Упоминания Кормчих до XV в. скудны, и их, по большей части, невозможно отождествить с Варсонофьевским списком. Кормчей книгой пользовался архиеп. Суздальский Дионисий¹⁸; из описей известно о пергаменных Кормчих, одна из которых («в полдесть») находилась в XVII в. в Успенском соборе Коломны¹⁹, другая в XVIII в. хранилась

Варсонофьевская рукопись была создана не в Новгороде, но в другом крупном книжном центре, где могли находиться выходы из иных земель.

¹⁸ Еп. Суздальский Дионисий упоминается как знаток «святых божественных канун» в грамоте патр. Константинопольского Нила (см.: Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 199–204, № 23). Об обращении к Кормчей еп. Дионисий писал в грамоте в Снетогорский монастырь: «възрев в Номоканон во правила святых отец», еп. Дионисий обнаружил, что в нем отсутствуют некоторые постановления, что побудило его «поновить и уставить препущенаа небрежением в обиду святых отец уставы» (см.: РИБ. Т. 6. Стб. 205–210, № 24). Казус был вызван тем, что в Сербской редакции Кормчей вместо 6-го правила константинопольского Двукратного собора (861 г.) было переведено толкование к нему Алексея Аристина (*Ράλλης Γ.Α., Ποτλής Μ. Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφίμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκομενικῶν καὶ толκῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων*. Т. 2. С. 673), которое и вошло во все русские редакции Кормчей под названием правила 6. Еп. Дионисий, очевидно, обнаружил, что славянский текст не соответствует греческому правилу, и подготовил собственный перевод настоящего постановления 6 правила Двукратного собора (ср.: *Ράλλης, Ποτλής Μ. Σύναγμα...* Т. 2. С. 667–668). Это означает, что у еп. Дионисия был как греческий номоканон, из которого он переводил; так и славянская Кормчая, в которую он «възрел» и обнаружил «препущенаа небрежением... уставы».

¹⁹ Города России XVI в. Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 8.

в Дионисиево-Глушицком монастыре²⁰. Я.Н. Шапов связывал создание Варсонофьевского списка с владимиристо-суздальской землей²¹. Нет данных, которые говорили бы о том, что в первой половине XV в. Варсонофьевский список отвозился в Новгород, бывший в то время независимым от московского князя политическим объединением, которое и в церковном управлении сохраняло значительную долю самостоятельности; поэтому, несмотря на особенности языка, мы предполагаем, что безвестный новгородец переписывал Варсонофьевскую Кормчую не в Новгороде, а в московских или владимиристо-суздальских землях.

При этом само копирование такого списка, как Варсонофьевская Кормчая, является делом экстраординарным. Нам неизвестно иных копий древнейших архиерейских канонических книг. Несомненно, они привлекались, наряду с иными книгами, при создании новых переработок Кормчих книг, но в целом авторитет новгородских Софийских «Правил», Рязанской или Варсонофьевской Кормчих был столь высок, что они не отдавались на копирование. Несомненно, изготовление копии Варсонофьевского списка в середине XV в. могло состояться только с ведома архиерея и только ради особого случая.

Между тем у скопированной Кормчей была необычная судьба: она оказалась в чужой стране, где православие в кон. XV — XVI в. было далеко не основной религией, а церковь возглавлялась митрополитом, противопоставлявшим себя московскому. Попасть в западную часть Киевской митрополии Кормчая могла только в исключительном случае. Даже тогда, когда митрополия была единой, такая взаимная проницаемость была редкостью: в отличие от четых или богослужебных книг, которые заказывались, покупались и перевозились частными лицами²², Кормчие (независимо от степени практической применимости) воспринимались как хранилище церковных законов, сакральный гарант чистоты церкви. Все известные случаи перемещения Кормчих книг из одного княжества в другое до XVI столетия связаны с церковно-политическими казусами: посылка Кормчей митрополитом Киевским Кириллом владимиристо-волынскому князю Владимиру Васильковичу в

---

²⁰ Ссылка на рукопись находится в сочинении старовера Даниила Битюговского (БАН. Друж. 739. Л. 141). Судя по цитатам Даниила Битюговского, рукопись принадлежала к Мясниковской редакции Кормчей и не может быть отождествлена с Варсонофьевским списком.

²¹ Шапов Я.Н. Варсонофьевская Кормчая // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 93–101.

²² Свидетельства подобных контактов уже после разделения митрополий сохранились в письме Василия Дмитриевича Ермолина пану Якову, «писарю» вел. кн. Литовского и короля Польского Казимира IV Ягеллончика, заказывавшему в Москве ряд четых и богослужебных книг. См.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. № 56. С. 196–197.

1286 г.; изготовление списков для новгородского и рязанского епископов в 1280–1282 и 1284 гг. по благословению киевского митрополита; перемещение списка Кормчей во владимирские земли при переезде туда киевского митрополита, спасающегося из разоряемого татарами Киева; привоз около 1461 г. списка Кормчей еп. Евфимием, покинувшим Брянскую епископию из-за нежелания подчиниться митр. Григорию Болгарину и нашедшим убежище в Московском княжестве²³. После разделения митрополий и на протяжении XVI столетия, когда между Великим княжеством Литовским (позже — Речью Посполитой) и Московским государством шла война лишь с небольшими перерывами, у нас нет достоверных сведений о перемещении Кормчей книги в ту или иную сторону. Новая волна перемещений началась в годы Смуты, когда рукописи рассматривались как трофей. Именно поэтому попадание копии Варсонофьевской Кормчей в Великое княжество Литовское представляется нам связанным с особыми событиями в истории Киевской митрополии, когда она еще сохраняла свое единство.

Именно с последним периодом единства Киевской митрополии, наступившим в 1451–1459 гг., можно связать создание харьковского списка Кормчей и его посылку в Великое княжество Литовское. В 1451 г. митр. Иона был признан Киевским митрополитом не только в Москве, но и польским королем и вел. кн. Литовским Казимиром IV Ягеллончиком, киевским кн. Александром Владимировичем и епископами литовских епархий²⁴. На протяжении десяти лет митрополит пытался издали управлять западными епископиями, отправляя туда грамоты, послания и наместников. Однако скудные возможности для личного участия²⁵ в делах западных епископий привели к провалу воссоединения митрополии. Король все больше склонялся к союзу с Римом, а литовские епископы практически не видели митрополита и не участвовали в созывавшихся им соборах. В 1459 г., с приходом в Великое княжество Литовское Григория Болгарина, митр. Иона окончательно потерял киевскую часть митрополии. В 1460-м г. он слал последние письма литовским епископам по поводу заявлявшего о своих правах митр. Киевского Григория Болгарина.

²³ Русский феодальный архив. № 52. С. 189–190; *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие. С. 153–154.

²⁴ Об управлении митр. Киевским Ионой единой митрополией см.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. С. 234–273.

²⁵ Митр. Иона писал о западных епископиях, что «бывал паки есмь неоднова тамо для управления ради святягы церкви»; однако сведения о его поездках ненадежны. О.А. Абеленцева предполагает, что митрополит ездил в Литву несколько раз для поставления епископов. См.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 249.

Можно полагать, что именно в этот период, когда митр. Иона еще пытался наладить управление дальними епископиями, посылая туда наставления, книги и доверенных лиц, был скопирован один из наиболее авторитетных списков Кормчей книги и отправлен в Великое княжество Литовское, возможно, в Вильну, бывшую столицей и центром церковно-политической жизни западной части митрополии.

Однако когда бы и при каких обстоятельствах ни оказалась в Великом княжестве Литовском Кормчая, здесь она не имела того значения и авторитета, которым пользовалась в московской части митрополии. В Великом княжестве Литовском, безусловно, Кормчие книги тоже имели хождение; но значение действующего судебника, обосновывавшего права церкви на отправление суда и взимание десятины, имел так называемый «Свиток Ярославль»; в 1498 и 1502 г. великий князь Литовский Александр дал церкви грамоты, подтверждающие действенность «Свитка Ярославля»²⁶; это не единственное, но наиболее приближенное по времени к интересующему нас сюжету свидетельство того, что именно Свиток (и только он) принимался во внимание как памятник права. Менее чем через полстолетия после своего создания копия Варсонофьевской Кормчей утратила значительную свою часть; возможно, это говорит о том, что изначально рукопись не имела переплета. Кормчая, потерявшая начальные листы и обрывавшаяся на правилах Василия Великого, была дописана уже в литовских землях, как о том свидетельствуют языковые особенности рукописи. Оригиналом для дополнений стала Кормчая книга Вольнского извода, восходящая к рукописи, подготовленной в 1286 г. для владимиро-волинского кн. Владимира Васильковича. Это произошло на рубеже XV–XVI вв.²⁷; возможно, создание кодекса связано с деятельностью Иосифа Солтана, ставшего митрополитом Киевским в 1507 г. и уделявшего много внимания каноническим вопросам. Им были подготовлены постановления виленского собора 1509 г., открывавшиеся выписками из русской редакции Кормчей книги²⁸.

²⁶ *Щанов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 187–193; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич; отв. ред. А.А. Зимин. М., 1978. Вып. 2. № 253. С. 191–194.

²⁷ ХИМ. Инв. 21129. Л. 1–3, 173–292. Филиграния: 1) Перчатка под розеткой, сходный: Piccard XVII, № 1032 (1495 г.); 2) Голова быка под крестом со змеей, с лигатурой сбоку, два вида, в том числе сходный: Лихачев, № 1278 (1498 г.); другой вид сходный: Piccard II, XVI, № 405 (1497–1499 гг.), Briquet, 15391 (1496 г.). Над восполнениями трудилось три писца: первому принадлежит основная часть работы (л. 1–3г, 173–220а₁₀, 223а–237г₂). Участие второго книжника, переписавшего менее трех листов, было совсем незначительным (л. 220а₁₁–222г); роль третьего, завершившего работу над рукописью, была более существенной (л. 237г₆–292а).

²⁸ При подготовке правил виленского собора использовалась русская редакция Кормчей, отличающаяся от харьковской рукописи, поскольку перечисленные далее

Однако если Кормчая и была восполнена по инициативе митр. Иосифа Солтана, она не рассматривалась как книга для церковного управления. Список Кормчей, скопированный с авторитетной рукописи Московской митрополии и поновленный в Литовском княжестве, в начале XVI в. воспринимался в Киевской митрополии как ценная книга для монастырского вклада, и не более того. В первой половине XVI в. Кормчая стала лишь одной из книг в ряду иных вкладов иеромонаха Алексея в полоцкие церкви и монастыри. В.А. Воронин предположил, что вкладчика можно отождествить с архимандритом виленского Троицкого монастыря Алексеем Торопчанином²⁹. Это убедительное отождествление позволяет предполагать, что Кормчая попала в Полоцк из Вильны, где ветхая рукопись и была восполнена на рубеже XV–XVI или в начале XVI в. Показательно, что если иные четьи книги были вложены Алексеем в епископский Софийский собор, то Кормчая была определена им как монастырский вклад³⁰; это наглядно показывает, что она отнюдь не рассматривалась как памятник права, необходимый для архиерейской службы.

На листах рукописи остались пометы скорописью конца XVI — XVII в.; возможно, книга покинула Предтеченский монастырь на Острове в неспокойные для Полоцка годы, когда он был razoren сначала московскими войсками в 1563 г., а потом Стефаном Баторием в 1579 г.; именно тогда была вывезена в Краков библиотека полоцкого

тексты в нее не входят. Правила виленского собора открываются цитатой из Диалогов Псевдо-Кесария («Всяко даание благо и всяк дар совершен, свыше исходя от Отца светом»); далее обильно используются выписки из Правил собора 1273 г.: «Преблагый Бог наш, иже вся творит промышлением нашему спасению... дарованныя его силы святительския», «Тем же, иже неведанием прочее Бог да сохранит, а грех да простит», «Бог да просветит и вразумит нас... сия вся бывають нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец». Ср.: РИБ. Т. 4. Стб. 5–7; Т. 6. Стб. 83–86.

²⁹ Еще четыре книги XV — первой четверти XVI в., вложенные иеромонахом Алексеем в Софийский Полоцкий собор, названы Я.Н. Щаповым: *Щапов Я.Н.* Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 262–282. Обзор вкладов иеромонаха Алексея и некоторые наблюдения над историей бытования Кормчей приведены в статье: *Воронин В.А.* «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 3. С. 48–51.

³⁰ ХИМ. Инв. 21129. Л. 1–2об. — «Се аз, рабъ Божии убогии ермонах Алексеи, дал есмь книгу сию, нарицаемую Правило святых Отець, въ церковь святому пророку и Предтечи и Крестителю Господню Иоанну на остров в монастырь въ богоспасаемом граде Полоцьку на память мне и родителем моим. Кто коли отнимати будет книгу сию от церкви святого Иоана Предтечи, судить ему и мьстит Богъ и святыи пророкъ Иоан Предтеча, занъже аз дахъ въ церковь святого Иоанна Предтечи вечно и непорушно въ славу Богу и святому пророку Иоанну и всем святым, аминь».

Софийского собора³¹. Однако Кормчая книга, очевидно, не покинула Полоцк; в середине XVII в. она принадлежала полоцкому архиепископу, ставшему киевским митрополитом, Антонию Селяве, который оставил запись на полях рукописи и заглавие на ее корешке³². Вероятно, при нем была сделана попытка снабдить рукопись тематическим указателем, листы для которого были приплетены в конце книги³³, а на полях основного текста оставлены глоссы, характеризующие тематику правил; однако работа над указателем так и не была доведена до конца. Позже рукопись была передана в собрание Жировицкого монастыря, владевшего крупнейшей библиотекой Полоцкой епархии. В 1758 г. в Жировицком монастыре была проведена ревизия книг; Кормчая сохранила номера и библиотечные записи этого времени³⁴. Именно из Жировицкого монастыря вывез Кормчую книгу Прокопий Нилович Доброхотов, бывший в 1839–1845 гг. преподавателем (позже — ректором) Литовской семинарии, которая располагалась в Жировицком монастыре. В 1892 г., уже в сане еп. Олонецкого, Павел Доброхотов подарил рукопись Владимиро-Волынскому братству по случаю 900-летия православия в Волынской епархии. Вместе с другими книжными сокровищами Волынского братства рукопись была перевезена в Харьков в годы Первой мировой войны, однако, в отличие от других книг, не поступила в собрание Харьковской научной библиотеки, а перешла в частные руки. В годы, когда с легкостью гибли и люди и книги, рукопись была бережно сохранена в оккупированном Харькове во время Второй мировой войны и приобретена Харьковским историческим музеем в 1954 г.

Таким образом, рукопись, известная по вкладной записи как «полоцкая», с Полоцком была связана меньшую часть своей истории. Кодекс соединил в себе два независимых извода Кормчих, скопированных в разное время, в разных землях.

---

³¹ Шапов Я.Н. О судьбе полоцкого Софийского собора // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. № 6. С. 200–204; *Он же*. Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской. С. 262–282.

³² ХИМ. Инв. 21129. Л. 1 — «Ex libri Antony Siela Metropolitae Kieven, Archiep. Polocen...» (конец записи на л. 2 вырезан). Антоний Селява был архиеп. Полоцким в 1624–1652 гг. и митр. Киевским и Галицким в 1640–1655 гг.

³³ ХИМ. Инв. 21129. Л. 293–301. Филигрань: Орел в круге со щитом на груди (герб Радзивиллов), сходный: Лауцявичус, № 165 (1631 г., Вильнюс).

³⁴ Морозова Н.А. Библиотека Жировицкого монастыря: история книжного собрания // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности: Сб. ст. Вильнюс, 2014. С. 169–204; *Она же*. Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировицкого монастыря // Там же. С. 205–226.